

Иван Сергеевич Тургенев. Жид

Собрание сочинений в десяти томах.

Гослитиздат, Москва, 1961

OCR Конник М.В.

...Расскажите-ка вы нам что-нибудь, полковник, - сказали мы наконец Николаю Ильичу.

Полковник улыбнулся, пропустил струю табачного дыма сквозь усы, провел рукою по седым волосам, посмотрел на нас и задумался. Мы все чрезвычайно любили и уважали Николая Ильича за его доброту, здравый смысл и снисходительность к нашей братье молодежи. Он был высокого роста, плечист и дороден; его смуглое лицо, "одно из славных русских лиц"¹, прямодушный, умный взгляд, кроткая улыбка, мужественный и звучный голос - все в нем нравилось и привлекало.

- Ну, слушайте ж, - начал он. - Дело было в тринадцатом году, под Данцигом. Я служил тогда в Е - м кирасирском полку и, помнится, только что был произведен в корнеты. Веселое занятие - сраженья, и походы - хорошая вещь, но в осадном корпусе очень скучно было. Сидишь себе, бывало, целый божий день в каком-нибудь ложементе, под палаткой, на грязи или соломе, да играешь в карты с утра до вечера. Разве от скуки пойдешь посмотреть, как летают бомбы или каленые ядра. Сначала французы нас тешили вылазками, да скоро пригихли. Ездить на фуражи-ровку тоже надоело; словом, тоска напала на нас такая, что хоть вой. Мне всего тогда пошел девятнадцатый год; малый был я здоровый, кровь с молоком, думал потешиться и насчет француза и насчет того... ну, понимаете... а вышло-то вот что. От нечего делать пустился я играть. Как-то раз, после страшного проигрыша, мне повезло, и к утру (мы играли ночью) я был в сильном выигрыше. Измученный, сонный, вышел я на свежий воздух и присел на гласис. Утро было прекрасное, тихое; длинные линии наших укреплений терялись в тумане;

) Лермонтов в "Казначейше". (Прим. автора.)

я загляделся, а потом и задремал сидя. Осторожный кашель разбудил меня; я открыл глаза и увидел перед собою жида лет сорока, в долгополом сером кафтане, башмаках и черной ермолке. Этот жид, по прозвищу Гиршель, то и дело таскался в наш лагерь, напрашивался в факторы, доставал нам вина, съестных припасов и прочих безделок; росту был он небольшого, худенький, рябой, рыжий, беспрестанно моргал крошечными, тоже рыжими глазками, нос имел кривой и длинный и все покашливал.

Он начал вертеться передо мной и униженно кланяться.

- Ну, что тебе надобно? - спросил я его наконец.

- А так-с, пришел узнать-с, что не могу ли их благородию чем-нибудь-с...

- Не нужен ты мне; ступай.

- Как прикажете-с, как угодно-с... Я думал, что, может быть-с, чем-нибудь-с...

- Ты мне надоел; ступай, говорят тебе.

- Извольте, извольте-с. А позвольте их благородие поздравить с выигрышем...

- А ты почему знаешь?

- Уж как мне не знать-с... Большой выигрыш... большой... У! какой большой...

Гиршель растопырил пальцы и покачал головой.

- Да что толку, - сказал я с досадой, - на какой дьявол здесь и деньги?

- О! не говорите, ваше благородие; ай, ай, не говорите такое. Деньги-хорошая вещь; всегда нужны, все можно за деньги достать, ваше благородие, все! все! Прикажете только фактору, он вам все достанет, ваше благородие, все! все!

- Полно врать, жид.

- Ай! ай! - повторил Гиршель, встряхивая пейсиками. - Их благородие мне не верит... ай... ай... ай... - Жид закрыл глаза и медленно покачал головою направо и налево... - А я знаю, что господину офицеру угодно... знаю... уж я знаю!

Жид принял весьма плутовской вид...

- В самом деле?